

Статья опубликована в сборнике «Сплетались времена, Сплетались страны...». Екатеринбург, 2016. Вып.43. С.4-14.

*М.С.Бессонов
историк-архивист*

ВЕРХОТУРСКИЕ ПРЯНИШНИКОВЫ (ПРЯНИЧНИКОВЫ) – СЫЛВИНСКАЯ ВЕТВЬ

Фамилия «Прянишников» является одной из самых старинных верхотурских фамилий. Впервые фамилия фиксируется среди верхотурских ямских охотников (ямщиков) в окладной книге за 1624 г., где упоминается Куземка Прянишников с окладом 15 руб. в год¹. По писцовой книге Верхотурского уезда Михаила Тюхина за тот же 1624 г. двор ямщика Кузи Прянишникова находился в Ямской слободе г.Верхотурья. Здесь же на посаде находился и двор Федки Игнатьева Прянишникова. «Да за монастырем дворишко, живет в нем Фетка Прянишник». Очевидно, тот же Федка Игнатьев Прянишников². В 1631 г. ямским охотникам было добавлено пять рублей к жалованью и в окладной книге за этот год упоминается Мишка Прянишников уже с 20 рублевым окладом³. Больше фамилия Прянишников среди ямщиков не встречается.

В дальнейшем фамилия фиксируется только в среде верхотурских служилых людей (стрельцов-казаков). И имеют ли какое-то отношение к ним ямщики Прянишниковы пока не понятно. В окладной книге за 1631 г. упоминается стрелец Васка Прянишников, который и является на данный момент родоначальником рассматриваемой ветви⁴. В 1636 г. из «вольных гулящих людей» был прибран в пушкари Володка Прянишников⁵, который в 1649 г. становится десятником⁶. Вот с 30-х годов XVII в. и начинается карьерный рост Прянишниковых в служилой среде г.Верхотурья. Так по переписи Андрея Бернатцкого в Верхотурье в 1666 г. было уже семь стрельцов Прянишниковых, один из которых, Ганка Прянишников, был стрелецким десятником⁷, который к 1676 г. станет пятидесятником⁸.

Стрельцы – род пехоты, созданный в Русском государстве около середины XVI в. В колонизации Урала в XVII в. служилое население (дети боярские, казаки, стрельцы, пушкари) играло ведущую роль. Именно служилыми людьми была сделана в XVII в. большая часть географических открытий на северо-востоке Азии, и в первую очередь усилиями казаков и стрельцов были присоединены к Русскому государству новооткрытые «земли». Практически все города на Урале и в Сибири, основанные в XVII в., построили ратные люди; первые сельские поселения очень часто основывались также служилым людом. Защита русских селений и ясачных волостей от вражеских набегов осуществлялась, главным образом, силами все тех же служилых, выполнявших, кроме того, множество поручений административного характера, без которых не было бы возможно не только функционирование государственного аппарата на колонизируемой территории, но и нормальное экономическое развитие земель.

Данные окладных книг и других документов массового учета показывают, что среди служилого населения преобладали пешие казаки и стрельцы. Во главе стрелецких сотен стояли сотники, им подчинялись пятидесятники и десятники. Военная служба в XVII в. являлась пожизненной, она не имела ни возрастного предела, ни предела, определяемого числом выслуженных лет. Согласно правилам, брать на службу разрешалось с 15 лет. Чаще всего служилых верстали в возрасте от 18 до 25 лет. Правила верстания требовали «прибирать» на службу «добрых» стрельцов и казаков, «которые были бы не воры, сами были б молоды и ис пицалей стрелять горазди». Зачисление в гарнизон сверх штата производилось и путем деления крупных «выбылых окладов» на 2-3 части. На освободившиеся оклады прежде всего могли претендовать сыновья выбывших, а затем прочие их родственники.

Ратные люди находились на государственном обеспечении. За казенный счет их снабжали оружием и боеприпасами, на «государевы казенные деньги» служилые могли ставить себе дворы. Однако в основном государственное обеспечение служилых сводилось к выдаче им денег, хлеба и соли. Основная масса ратных людей имела право на все три вида жалованья. Его размеры зависели прежде всего от принадлежности к определенному «чину» и, соответственно, выполняемого вида «служб». Пешие казаки и стрельцы принадлежали к разряду низкооплачиваемых. Рядовые казаки и стрельцы в Верхотурье, как правило, получали по 4 рубля 8 алтын и 2 деньги, десятники – 4 рубля с полтиною, пятидесятники – 4 руб. 25 алтын. Женатые получали по 2 $\frac{1}{4}$ пуда соли, холостым полагалось несколько меньше. Хлебного жалованья получали по 5 чети с осминою ржи и по 2 чети овса человеку⁹. Прянишниковы, как и всё мужское население России присягали на верность царям Алексею Михайловичу в 1646 г, потом его сыновьям Федору в 1676 г., Ивану и Петру в 1682 г.¹⁰ В некоторых семьях помимо чтимых святых были «свои» особо чтимые места паломничества. Например, на богомолье к иконе Казанской Богородицы и святому Макарию Желтоводскому Чудотворцу в 1688 г. отправились верхотурцы, стрелец Степан Прянишников, в 1699 г. – стрелец Григорий Прянишников с племянником Степаном¹¹.

Во взаимодействии с главной таможенной действовало несколько застав по дорогам Верхотурского уезда, где «на карауле» также находились служилые люди. Приборным людям приходилось нести караульную службу, выполнять полицейские функции; их «наряжали» в «денщики» и «пристава» для обслуживания местных административных учреждений. Служилые люди всюду привлекались для транспортировки или сопровождения казенных грузов, для конвоирования ссыльных. Поездки бывали опасными. Так в 1709 г. казак Василий Осипов Прянишников был послан в Москву с отписками и «едучи дорогою не стало ево безвестно»¹².

Поселившись на Урале, многие ратные люди, не надеясь на одно лишь «Государево жалованье» сразу стали закреплять за собой сельскохозяйственные угодья и заводить пашни. Это отвечало и их

собственным интересам, и планам правительства, стремившегося уже с конца XVI в. «служилых людей в пашню важивать, чтоб себе пашню пахали и вперед бы с Руси хлебных запасов посылать меньше». Основным видом селения в уезде являлась «деревня» (в первой половине столетия чаще всего состоявшая из одного двух дворов). Первые поселенцы имели наибольшие возможности для приобретения земель, покупая их у ясачного населения и занимая «порозжие места». Так и в переписи Льва Поскочина за 1680 г. мы впервые встречаем деревню Прянишникову на реке Туре с тремя дворами верхотурских стрельцов. В двух дворах пашню пашут «четыре десятины в поле, а в дву потому ж», а в третьем «шесть десятин в поле, а в дву потому ж». Да сенных копен ставят по лугам и дубровам от ста до 400 копен¹³. В начале XVIII в. появляется деревня Прянишникова и на реке Тагил¹⁴.

Служилые люди имели возможность найти и другие источники существования. Немалым подспорьем для многих из них могли стать торговля, ремесло и промыслы. К 1-й половине столетия относятся сведения первых дозорных книг о рыболовном промысле служилых людей. Служилые люди принимали заметное участие и в мукомольном производстве, о чем свидетельствует постоянная регистрация мельниц у многих из них. В той же переписи Поскочина в деревне Прянишниковой стрелец Васка Васильев сын Прянишников вместе с товарищами держал рыбный плес «ниже Салдинского устья против Кривой Луки», за который платили пять алтын оброка. У него же с товарищами «над ручьем против той же Кривой Луки» была мельница, за которую они платили 20 алтын оброка¹⁵.

Во 2-й половине XVII в. в Верхотурском уезде значительно возрастает численность русского населения. Здесь формируется особая социальная группа, представители которой являлись служилыми по происхождению, но не были поверстаны в службу. Так называемые «стрелецкие», позднее «казачьи дети». Многие из них в ожидании «убылых мест» занимались земледелием, торговлей, промыслами, а иногда и не проявляли особого желания поступать в служилые люди.

После стрелецкого восстания 1698 г. в Москве и волнений стрельцов в Азове и в связи с созданием регулярной армии Петр I распорядился расформировать стрелецкое войско¹⁶. Не так болезненно это происходило в Верхотурье. Здесь просто произошла смена названия. В окладной книге 1709 г. верхотурские служилые люди названы пешими казаками, а возглавлял казаков сотник Афанасий Прянишников с окладом 8 рублей¹⁷. В последнем известном на данный момент списке верхотурских служилых людей за 1724 г. зафиксировано 11 Прянишниковых, из них: один сотник, один пятидесятник, один десятник, который в 1723 г. был взят в солдаты, и восемь рядовых казаков. Грамотными были только сотник и пятидесятник¹⁸.

Вернемся к той семье из рода Прянишниковых, от которой отпочковалась сылвинская ветвь. В 1710 г. в деревне Прянишниковой на реке Туре проживал казак Иев Васильев Прянишников, у которого были дети: Аврам, записанный в солдаты, Яков и дочери Катерина и Соломия¹⁹. По ревизии 1721 г. Иев записан уже отставным пешим казаком и с ним

проживали его внуки Алексей (4 лет) и Леонтий (2 лет)²⁰. Нам интересен Алексей, который и является родоначальником сылвинской ветви Прянишниковых. В следующий раз мы с ним встречаемся в ревизской сказке Сылвинского завода за 1745 г., где он записан как «дощатого дела мастер». Оказывается, что он сын солдата (в другом случае записан как из «казацких детей»), т.е. его отец, Яков, до первой ревизии был взят в солдаты и поэтому он воспитывался у деда. Подушные деньги платил до 1737 г., когда 6 августа был взят в рекруты и отправлен на Екатеринбургский завод. По указу Екатеринбургской заводской конторы от 18 февраля 1739 г. был переведен на Сылвинский завод. С 10 марта 1741 г. он уже мастер «дела крышечных досок», с окладом 66 руб. 64 коп. в год. В 1745 г. у него уже был полуторагодовалый сын Ефим²¹.

Сылвинский железоделательный завод был основан казной по определению В.Н.Татищева от 11 ноября 1734 г. на реке Сылве, притоке р.Чусовой (сейчас это село Сылва Шалинского городского округа Свердловской области). Строительство началось в 1735: завод пущен 22 ноября 1738, т.е. Алексей Прянишников появился на заводе буквально через два месяца после пуска. В 1739 в молотовой фабрике имелось три боевых молота, четыре кричных горна, в каждой из двух досчатых фабрик находилось по три колотушечных молота. Чугун поступал с Верхисетского и Уткинского (Новоуткинского) заводов. Вот в одной из «досчатых» фабрик и работал Алексей²².

Небольшая информация найдена по этой семье в архивных документах. Так сыновей Алексея – Ефима и Павла – мы находим в реестре, составленном по приходу Сретенской церкви завода, которые за «нерачениями у исповеди и у святого причастия не были» в 1753 г.²³ В 1754 г. по указу Канцелярии Главного Правления Сибирских и Казанских заводов Сылвинской заводской конторой был составлен список детей мастеровых и работных людей для определения кого в школу, кого в работу. В этот список попали и дети Алексея: Ефим, Павел, Леонтий, Федор, близнецы Иван и Яким²⁴. В одном из документов об Алексее сказано: «оны мастера при деле крышечных досок дело свое правят, а других наук – кроме оно не знают»²⁵. Очевидно, указывая тем самым на то, что он был неграмотным.

17 июля 1758 казна передала завод графу Сергею Павловичу Ягужинскому, который вступил во владение с 1 января 1759. В 1760-х завод оказался в сложном положении, поскольку заводоладелец, извлекая прибыль, не заботился об обновлении производственных мощностей. В 1765 Берг-коллегия пробовала вернуть завод в казну, но Сенат оставил его в руках Ягужинского. Временная остановка Уткинского завода привела к падению объема производства на Сылвинском заводе²⁶. Так в 1768 г. Сылвинская заводская контора доносила в Канцелярию Главного Правления Сибирских Казанских и Оренбургских заводов, что в 1767 и 1768 гг.: «по не действию здешнего завода за неимением денежной казны, мастеровые и работные люди с данными от здешней конторы письменными билетами, для прокормления их, распущены были в Екатеринбург и до золотосодержащего

Березовского завода», среди которых были Леонтий и Павел Прянишниковы. А так как отпущенные не явились в срок, то завод нельзя привести в действие и контора просит выслать всех на Сылвинский завод²⁷.

Продукция завода шла на внутренний рынок и на экспорт, на местную продажу, по казенным заказам. Труд крепостных не использовался, часть работ исполняли приписные крестьяне из Торговижского острожка Кунгурского уезда, переселенцы из Уткинской слободы Екатеринбургского ведомства. В годы крестьянской войны под руководством Е.И.Пугачева завод разграблен восставшими. В 70-х годах XVIII в. на заводе трудилось 183 казенных мастеровых и работных²⁸, среди которых мы встречаем и представителей семьи Прянишниковых: мастер при молотовой фабрике Ефим Прянишников, ученик кузнеца Иван Прянишников, кирпичного дела ученик Павел Прянишников, а вот Леонтий оказался «глазами малозрителен и киловат»²⁹.

В 1778 С.П.Ягужинский, опутанный долгами, продал завод заводчику Савве Яковлевичу Яковлеву. В 1787 завод перешел к сыну Яковлева – Ивану, который предпринял усилия для расширения его деятельности. В 1795 основан вспомогательный Саргинский завод, который стал поставлять в Сылвинский широкополосное железо для передела в листовое кровельное³⁰. В сохранившейся ревизской сказке Сылвинского завода за 1795 г. мы уже не встречаем Алексея Яковлевича Прянишникова, но жива еще его вдова Варвара Дементьевна. Живы его сыновья: Павел, Ефим – дети которых и продолжили род Прянишниковых на Сылвинском заводе. Леонтий, очевидно, умер, так как не записан в ревизии, а Иван был взят в рекруты. Как правило, женились представители рода на дочерях местных мастеровых и выходили замуж тоже за мастеровых Сылвинского завода. Были браки также с крестьянами Кунгурской округи или Уткинского демидовского завода. Всего в 1795 г. в ревизской сказке зафиксирован 21 представитель рода³¹.

Не обошли стороной Сылвинский завод и народные волнения. Так 3 апреля 1805 г. в заводскую контору поступил рапорт от надзирателя Ивана Деева и уставщика Григория Толкачева о том, что 2 апреля кричные мастера, подмастерья и работники на работу не явились «поелику де сия неделя страстная, работать не должно». Среди возмутителей спокойствия оказались и Прянишниковы: Дементий, Николай и Никита. Где-то через месяц, 28 мая, история повторилась. Теперь «бунтовщики» отговаривались, «что пускать завод в праздник сошествия святого духа не будем». И опять среди них Дементий и Никита Прянишниковы. Никита за «непослушание надзирателя к пуску действия» был наказан лозами. Было начато следственное дело, которое было прекращено только в 1811 г., так как «означенные мастеровые в последствии времени тот свой поступок покорностию своею и безмолвным повиновением соделали им извинительным». Неповиновения случались не только на религиозной почве. Так 29 июля того же 1805 г. Дементий и Никита отказались от «поставки господского сена». В свое время, 11 июля 1803 г., Николай Прянишников за «не поставку господского сена и буянство» по указу горного начальства был наказан лозами. В 1809 г., Макар, сын

Павла Алексеева, видимо, за какую-то провинность был сослан на поселение. Другой сын Павла, Егор, в 1808 г. по указу Пермского горного Правления за кражу из заводского магазина железа был наказан плетьюми. В 1816 г. по указу того же горного Правления и за такую же кражу из кричной фабрики железа снова наказан плетьюми³².

В 1816 близ Сылвинского завода построен второй вспомогательный железоделательный завод – Нижнесылвинский. Сложился производственный комплекс из трех железоделательных заводов, тесно связанных друг с другом и изготовлявших разные сорта железа³³. И свой вклад в производственный процесс вносил значительно разросшийся к этому времени род Прянишниковых. Обратимся к формулярному списку о службе мастеровых Сылвинского завода за 1827 г. Прянишниковы работали на таких производствах: кричное, дощатое, гвоздильное, в слесарной фабрике, при плотничных работах. Службу начинали рано: в 11-14 лет, проходя карьерный рост от поденьщика, работника, подмастерья и заканчивали мастером. Подмастерья получали «задельной» платы от 100 до 180 рублей, мастера от 200 до 250 рублей в год. Кроме этого получали провианта от 2 до 7 пудов в месяц. Два пуда получали холостые. На самой высокой должности в это время находился Дементий Ефимов Прянишников, который был уставщиком (старшим мастером) по кричному производству, получая 20 копеек «задельной» платы в день. Столько же получал и Мирон Дементьев, будучи слесарем. Некоторые работали на золотых промыслах, а часть на Уткинском заводе Яковлева же. Никита Ефимов Прянишников находился на пенсии, получая 6 руб. в год и 4 пуда провианта в месяц³⁴. К 1836 г. уже трое Прянишниковых работали кричными мастерами. Несколько поднялась и зарплата, которая у мастеров стала составлять 250-300 руб. в год. Уставщик Дементий Ефимов вышел на пенсию и получал 36 руб. в год³⁵. По последней 10-й ревизии 1858 г. в Сылвинском заводе проживало уже 20 семей Прянишниковых, в которых было 92 человека обоего пола³⁶.

В 1859 завод перешел по наследству к Ивану Алексеевичу Яковлеву и его сестре графине Надежде Алексеевне Стенбок-Фермор. После смерти брата в 1862 г. Надежда Алексеевна стала единственной владелицей завода. С отменой крепостного права завод столкнулся с проблемой нехватки рабочих рук, с ростом стоимости рабочей силы и увеличением накладных расходов, связанных с постоянными перевозками чугуна, полуфабрикатов и готовой продукции. В результате в начале 1860-х произошло сокращение численности рабочих и некоторое снижение объема производства³⁷. Но иногда происходили и приятные события. Сохранился рапорт Сылвинской заводской конторы за 1861 г. с именованным списком о награждении рабочих к предстоящему празднику Святой Пасхи, в котором мы находим восемь Прянишниковых получивших деньгами от 1 руб. до 2 руб. 50 коп. А уставщик листового производства Василий Прянишников получил аж семь с половиной рублей. Отметим при этом, что некоторые Прянишниковы продолжали работать на Уткинском заводе³⁸. Пенсии Прянишниковых в 1866-1867 гг. колебались 5 руб. 15 коп. до 8 руб. 57 коп. в год. Некоторые

при этом получали и муки по 24 пуда в год. Один из сылвинских Прянишниковых в 1866 г. учтен среди пенсионеров Нейво-Рудянского завода³⁹. Где-то в начале 70-х гг. XIX в. в фамилии произошла замена буквы «Ш» на букву «Ч»⁴⁰.

В 80-х гг. XIX в. завод работал относительно успешно, выпуская конкурентно-способную продукцию. Продукция завода, особенно листового железа, пользовалась большим спросом на внутреннем рынке, а также шла на экспорт в Европу и США. Но в те же годы возникла проблема роста накладных расходов, поэтому в 1886 г. закрыт Саргинский завод, часть его оборудования перенесена на Сылвинский завод. В 1899 г. заводы стали собственностью семейно-паевого товарищества наследников графини Н.А.Стенбок-Фермор. В первые годы промышленного кризиса для Сылвинских заводов характерно некоторое колебание производительности. Застой в области торговли листовым кровельным железом сильно ударил по заводу. В 1910 г. по решению нового владельца, акционерного общества Верхисетских горных и механических заводов, бывших Яковлева, окончательно закрыт. В 1911 г. производилось разрушение производственных зданий, демонтаж оборудования и его перевозка на другие заводы⁴¹.

Уже в конце 80-х годов XIX в. Пряничниковы начинают расселяться по другим заводам принадлежащим Стенбок-Фермор: Верх-Исетский, Шуралинский, Верхне-Тагильский заводы⁴². В начале XX в., в годы экономического кризиса, в «поисках лучшей доли» отправляются и сыновья Якова Миронова Пряничникова: Семен, Павел и Василий. Их имена зафиксированы в метрических книгах церковей Верхне-Тагильского и Шуралинского заводов: Семена Яковлевича в Верхне-Тагильском, а Павла и Василия в Шуралинском⁴³.

Но и Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод, изготовлявший преимущественно одно сортовое железо, спрос на которое в годы кризиса резко упал, оказался в тяжелом положении. В 1910 г. завод перешел во владение АО Верхисетских горных и механических заводов, которое произвело коренную перестройку всей производственной деятельности округа, выразившуюся в концентрации производства на главном заводе округа – Верхисетском, специализации заводов, закрытии архаичных производств. Кричное производство с его устаревшим и обветшавшим оборудованием было прекращено, в 1910 г. остановлена доменная печь. В период Первой мировой войны доменное производство было возобновлено, но из-за трудностей в снабжении рудой и топливом уже в 1916 г. выплавка чугуна стала резко падать, а в 1917 г. завод окончательно закрыт⁴⁴.

А в это время рядом, в районе деревни Калаты Верхне-Тагильской волости (сейчас это г. Кировград), были обнаружены мощные месторождения медной руды. Здесь на средства АО Верхисетских горных и механических заводов в 1914 г. был построен завод для производства меди. Первая медь получена 1 мая 1914⁴⁵. В 1912 г. в деревне Калата проживало 325 человек

обоего пола, да на Калатинском руднике от 230 до 300 человек. 16 марта 1912 г. на состоявшемся сельском сходе было постановлено: построить каменное здание-храм, во имя святителя и Мирликийского чудотворца Николая и в память 300-летия царствующего Дома Романовых. Средства на постройку храма предполагалось собрать, удерживая, по одной копейке с заработанного рубля. Построенный храм должен быть приписан к Шуралинскому приходу. Были избраны члены строительного Комитета по постройке храма, в котором, среди прочих, мы видим и крестьян Семена и Павла Яковлевичей Пряничниковых⁴⁶.

Но и здесь жизнь не заладилась. К ноябрю 1917 завод и рудники Калаты прекратили свою работу. Предприятие было национализировано и до 1922 находилось на консервации⁴⁷. Пряничниковы были вынуждены покинуть и эти места. Но это уже советский период и совсем другая история. Только хотел бы отметить, что в Книгу памяти жертв политических репрессий по Свердловской области внесены 12 человек, из них трое были расстреляны⁴⁸. Шесть Пряничниковых только из Шалинского района погибли в Великую Отечественную войну⁴⁹.

Остаётся только сказать, что, оставшиеся в Сылве Пряничниковы, наверняка не знают, что они принадлежат к одному роду – к старинному верхотурскому казачье-стрелецкому роду Пряничниковых.

¹ РГАДА. Ф.214. Оп.5. Д.6. Л.100.

² Там же. Оп.1. Кн.5. Л.188, 195, 265 об.

³ ИРЛИ. Колл. В.Н.Перетца. Д.107. Л.24.

⁴ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Кн.24. Л.46.

⁵ Коновалов Ю.В. Династии верхотурских пушкарей // Материалы Первой региональной краеведческой научно-практической конференции «Походяшинские чтения». 3-4 июля 2003 г. Верхотурье. Екатеринбург, 2005. С.67.

⁶ ТГИАМЗ. КП 12700. Л.37.

⁷ Там же. КП 12692. Л.15 об., 19, 38, 42, 44 об.

⁸ РГАДА. Ф. 214. Кн. 487. Л.280.

⁹ Там же. Оп.1. Д.35. Л.44.

¹⁰ Там же. Д.194. Л.4 об., 6 об.; Д.605. Л.3 об., 5, 5 об.; Д.746. Л.8, 8 об., 9 об., 10 об., 12 об., 13 об., 16, 16 об., 34, 36, 38, 40 об., 42 об., 110, 112 об., 224 об.

¹¹ Там же. Ф.1111. Оп.1. Д.38. Л.153; Д.80. Л.109, 111.

¹² ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.464. Л.12 об.

¹³ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.697. Л.15-15 об.

¹⁴ Там же. Д. 1508. Л.146 об.

¹⁵ Там же. Д. 697. Л.15 об.

¹⁶ СИЭ. М., 1971. Т.13. С.867-868.

¹⁷ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1501. Л.116 об., 142 об.

¹⁸ ГАСО. Ф.606. Оп.1. Д.464. Л.73, 73 об., 75-76 об., 80 об., 81, 82 об., 86, 88 об.

¹⁹ РГАДА. Ф.214. Оп.1. Д.1539. Л.28.

²⁰ Там же. Д.1508. Л.133 об.

²¹ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1773. Л.225; Ф.410. Оп.1. Д.2. Л.64.

²² Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железодельный завод // Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия. Екатеринбург, 2001. С.449.

²³ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1533. Л.413.

-
- ²⁴ Там же. Д.1442. Л.354 об.
- ²⁵ Там же. Оп.12. Д.1774. Л.196, 202 об.
- ²⁶ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.449.
- ²⁷ ГАСО. Ф.24. Оп.1. Д.1881. Л.523-523 об.
- ²⁸ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.449.
- ²⁹ ГАСО. Ф.24. Оп.12. Д.1785. Л.201, 203 об., 204 об., 206.
- ³⁰ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.450.
- ³¹ ГАСО. Ф.179. Оп.1. Д.251. Л.9, 12, 23, 34, 34 об., 44 об.
- ³² Там же. Ф.24. Оп.23. Д.7430. Л.75 об.; Оп.25. Д.140. Л.4; Ф.72. Оп.1. Д.1055. Л.1 об., 3; Оп.2. Д.999. Л.1-1 об., 5 об.-6 об., 11 об.-12 об., 13 об.
- ³³ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.450.
- ³⁴ ГАСО. Ф.24. Оп.23. Д.7430. Л.10 об.-11, 14 об.-15, 17 об.-19, 28 об.-29, 31 об.-32, 37 об.-38, 70 об.-71, 75 об.-76, 84 об.-85.
- ³⁵ Там же. Ф.72. Оп.1. Д.2293. Л.10 об.-12, 14 об.-15, 86 об.-87.
- ³⁶ Там же. Ф.24. Оп.23. Д.7405. Л.21 об.-22, 77 об.-80.
- ³⁷ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.450.
- ³⁸ ГАСО. Ф.72. Оп.1. Д.3736. Л.29, 30 об., 31 об., 32, 33, 34, 54 об., 55.
- ³⁹ Там же. Д.3903. Л.29, 47 об.
- ⁴⁰ Там же. Ф.754. Оп.1. Д.38. Л.2 об.
- ⁴¹ Корепанов Н.С., Микитюк В.П. Сылвинский (Верхнесылвинский) железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.450-451.
- ⁴² ГАСО. Ф.6. Оп.8. Д.98. Л.51 об.; Оп.13. Д.243. Л.136 об.; Оп.19. Д.425. Л.20 об.
- ⁴³ Там же. Оп.18. Д.396. Л.25 об.; Д.401. Л.62 об.; Оп.19. Д.425. Л.20 об.-21.
- ⁴⁴ Гаврилов Д.В. Верхнетагильский чугуноплавильный и железоделательный завод // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.133.
- ⁴⁵ Терёбынькин М.Ю., Набойченко С.С. Кировградский медеплавильный комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.267.
- ⁴⁶ ГАСО. Ф.6. Оп.4. Д.333. Л.73-74 об.
- ⁴⁷ Терёбынькин М.Ю., Набойченко С.С. Кировградский медеплавильный комбинат // *Металлургические заводы Урала XVII-XX вв. Энциклопедия.* Екатеринбург, 2001. С.267.
- ⁴⁸ Книга памяти жертв политических репрессий. Свердловская область. Екатеринбург, 2006. Т.6 (О-П). С.306-307.
- ⁴⁹ Память. Российская Федерация. Свердловская область. Екатеринбург, 1999. Т.16. С.479-480.